

ГУМАНИТАРНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ.
НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАДИГМЫ

Перспективы
социальной консолидации

Круглый стол

МЕДИАЦИЯ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ КАТЕГОРИЯ*

Институт социологии РАН. 22 февраля 2013 г.

Часть 6.

Организаторы Круглого стола:

Центр политологии и политической социологии,
Центр социологии управления и социальных технологий
Института социологии РАН
совместно с Российским обществом социологов (РОС)

Ведущие: А.П. Давыдов, А.С. Железняков, А.В. Тихонов

И.В. КОНДАКОВ. Медиация среди других типов «конструктивной напряженности» – так называется мое выступление. Изучение социодинамики культуры, основание которому заложил Питирим Сорокин, закономерно привело в последней трети XX в. к исследованию социокультурных механизмов общественного развития. Выдающийся российский ученый Александр Ахиезер разработал систему принципов анализа таких механизмов применительно к истории российского (и отчасти западноевропейского) общества. Эта система и сегодня жива, активно развивается, чему доказательством является наш сегодняшний «круглый стол», многие из участников которого внесли свой незаменимый вклад в теорию социодинамики культуры. Сошлюсь на постоянных участников методологических семинаров А.С. Ахиезера – А.П. Давыдова, И.Г. Яковенко, А.А. Пелипенко и себя самого.

Говоря о движущих силах воспроизводства общества и его культуры как о «*типах конструктивной напряженности*», А.С. Ахиезер ввел парные понятия – «медиация» и «инверсия» и показал их взаимодополнительность при анализе социокультурных процессов и осмыслении закономерностей философии истории. Эти важнейшие категории социокультурного и философско-исторического анализа, разумеется, не исчерпывают всего богатства регулятивных

*Продолжение. Начало см.: ФН. 2013. № 11, 12; 2014. № 1 – 3.

механизмов культурно-цивилизационного развития, особенно если иметь в виду многообразие локальных цивилизаций и конкретных культурно-исторических типов. В то же время среди социокультурных механизмов именно эти два являются наиболее содержательными и проблемными.

Важно подчеркнуть, что оба названных понятия — «медиация» и «инверсия» — являются, по Ахиезеру, типами *напряженности* культуры, т.е. имманентными, спонтанными процессами, несущими важные и значительные по своим последствиям социокультурные изменения, но изменения *конструктивные*, по своей сути созидательные. И в этом своем позитивном качестве *конструктивная напряженность* культуры и общества противостоит *деструктивной напряженности*, исследованию которой ученый посвятил последние годы жизни.

Отдавая личное предпочтение *медиации* как механизму, характерному для западной (евроатлантической) цивилизации (хотя она не менее показательна и для восточных цивилизаций, например, для Китая и Японии) и воплощающему модернизационные тенденции во всем мире, Ахиезер в то же время уделял огромное внимание *инверсии* как важнейшему консервативному механизму, игравшему в прошлом и играющему в настоящем исключительно конструктивную (или деструктивную) роль — особенно в России. Однако главным научным открытием Ахиезера явилось осмысление закономерностей взаимодействия медиации и инверсии в историческом процессе, позволяющих проследить формирование раскола, возникновение идеалов общественного согласия и различных разновидностей авторитаризма и абсолютизма.

Мы хорошо знаем сегодня, что все силы, тяготеющие к фундаментализму и консерватизму — религиозному и политическому, культурному и философскому, — руководствуются в своей деятельности инверсионными принципами, что усугубляет раскол в обществе, провоцирует социальные и культурные взрывы, порождает нестабильность и дискретность социокультурных процессов. Если инверсия представляет собой простейший механизм «перебора» между двумя крайними смысловыми полюсами (типа «добро» и «зло»), в результате которого настоящему предпочитается уже известное *прошлое*, то медиация является более сложным по своей организации механизмом, реализующим «сканирование» крайностей ради выработки принципиально нового качества (срединного), преодолевающего исходную дилемму (выбора одного из двух) через проектирование *будущего*, т.е. через порождение *третьего*, еще неизвестного. Кроме того, медиация — это механизм создания срединной культуры, оберегающей от драматических взрывов, расколов, надломов, разрывов, сглаживающей культурно-исторический процесс.

Неслучайно в истории России и русской культуры все ключевые для развития культурно-исторические эпохи были переполнены медиационными процессами: Крещение и христианизация языческой Руси; рождение военно-административного «альянса» в период «Монгольской Руси»; Петровские реформы и европейское Просвещение в России; рождение русского либерализма — политического и неполитического; становление русской литературно-художественной классики XIX в.; глобализация во всем мире и в России в частности. Однако в каждом таком случае медиационные проекты тормозились или прерывались вторжением *инверсионных тенденций*, определявших переломные моменты истории.

Таковы, например, междоусобицы Киевской Руси; становление русского самодержавия; споры иосифлян и нестяжателей; русский религиозный Раскол; сохранение крепостного права, несмотря на европейское Просвещение, и борьба против него просветителей и романтиков; борьба западников и славянофилов, радикалов и консерваторов, революционеров и контрреволюционеров, большевиков и меньшевиков, рапповцев и лефовцев, правого и левого уклонов в ВКП(б); становление тоталитаризма, сталинской диктатуры и ГУЛАГа; споры сторонников и противников «культы личности», «перестройки» и «гласности», «вертикали власти», «управляемой демократии» и «несистемной оппозиции», Болотной и Поклонной и т.д.

В истории любой культуры оба типа «конструктивной напряженности» постоянно взаимодействуют между собой, противоборствуя и соперничая, то и дело пересматривая результаты социокультурного моделирования — то в сторону приближения будущего, искомой модернизации, то в сторону идеализируемого прошлого, консервативно-отката назад. Другое дело, что западные и восточные цивилизации в своем развитии чаще склонялись к медиации, исключающей внезапные перемены и потрясения, резкую смену культурных парадигм, а Россия и другие евразийские цивилизации, опирающиеся в своем развитии на двойственные, противоречивые основания, имеют тенденцию чаще обращаться к инверсии — со всеми вытекающими последствиями, разрушительными для этих цивилизаций.

Именно сложное взаимодействие медиации и инверсии в истории России и ее культуры породили своеобразную *семилетнюю цикличность*, ускоренную в своей хронологии, но по сути неизменную (уже в третьем «заходе» развивающуюся по одной и той же формуле).

Существует и еще один регулятивный механизм культурно-исторического развития, особенно действенный в периоды культурного или цивилизационного кризиса, — «эристика» (*греч. eristika* — «искусство спора»); не путать с *эристикой* — учением о творческом мышлении, об искусстве открывать новое. Термин «эристика» в свое время предложил Аристотель в полемике с профессиональными риториками-софистами,

подменявшими доказательство истины — победой в споре любимыми средствами. Гнев Аристотеля был вызван явным извращением самого фундамента античной культуры — *агона*. Вместо честного соперничества, творческой состязательности на первый план выходила «борьба без правил», или достижение победы любой ценой.

Смысл этого регулятивного механизма заключается в *отказе от выбора* существующих альтернативных стратегий, в стремлении оказаться «по ту сторону» добра и зла, прекрасного и безобразного, истины и лжи. Вмешиваясь в спор между медиацией и инверсией, эристика моделирует подчас социокультурную пассивность, политическое и эстетическое равнодушие в обществе, беспринципность, аморализм, нигилизм и релятивизм. В кризисные, «смутные» эпохи, на «сломе» эпох именно эристика, создавая «зону ценностно-смысловой неопределенности», размывает критерии оценки и границы между различными сферами, способствуя решительной переоценке ценностей, пересмотру стереотипов и клише, помогая преодолеть конфликт интерпретаций, подготавливая приятие непредсказуемой, шокирующей новизны. В этом состоит конструктивное содержание этой разновидности социокультурной напряженности, выполняющей функцию *перекодирования* культурной семантики со «старого» символического языка на «новый», т.е. выступающей как механизм *перехода* от одной культурной эпохи к другой.

В истории мировой культуры яркие примеры «эристичности» демонстрируют многие артефакты римско-эллинистической культуры, позднего Средневековья и раннего Возрождения, барокко и романтизма, заряженного идеями Великой Французской революции, модерна и постмодерна на рубеже XIX — XX и XX — XXI вв. В истории русской культуры это «Смутное время», период «Петровских реформ», развитие русского символизма и постсимволизма в период Серебряного века; период послереволюционного развития 1920-х гг.; феномен конвергенции (культурной, политической, идеологической) в эпоху «оттепели» и «перестройки»; во многом — постсоветский этап, с его смешением «советского» и «несоветского».

В условиях господства и потребления, засилья массовой культуры, спада общественной активности **эристика вытесняет с исторической арены как медиацию, так и инверсию**, демонстрируя конструктивную напряженность, блокирующую всякий социокультурный выбор личности, группы и общества в целом, превращающую сам перебор вариантов решений в условную игру, в «искусство для искусства».

Медиацию как важнейший социокультурный регулятивный механизм принципиально важно изучать и развивать *в едином контексте* с другими регулятивными механизмами культуры, с которыми она взаимодействует и борется, с которыми сотрудничает и которым сопротивляется. Только в этом случае можно осуществить последо-

вательный анализ проблемного поля «конструктивной напряженности» и социокультурной динамики в истории каждой локальной цивилизации и культуры, в том числе России.

И.Н. ТРОФИМОВА. Медиация и проблема самоуправления в российском обществе. Медиация может рассматриваться как новый и весьма перспективный подход к исследованию проблемы самоуправления. Самоуправление понимается как способность какой-либо организованной социальной общности самостоятельно управлять собственными делами, идет ли речь об административно-территориальных, общественных или производственных единицах. Наиболее полно эта способность воплощается в местном самоуправлении, учитывая, что социальная, политическая и экономическая составляющие жизни местного сообщества тесно взаимосвязаны. Как известно, местное самоуправление в нашей стране имеет прерывистую историю, на протяжении которой периоды динамичного развития сменялись периодами его сворачивания и ограничения. Сложился своеобразный маятник, при котором центральная власть и местное самоуправление оказались на противоположных полюсах российской государственности. В кризисный период государство всячески стимулировало местное самоуправление, но по мере стабилизации начинало его ограничивать. Достигнутые результаты местного самоуправления в виде эффективных, оправдавших себя социальных практик и опыта взаимодействия фактически «обнулялись». Но, пожалуй, самым негативным итогом становилась невозможность формирования представления о самоуправлении как самостоятельной ценности, безотносительно к позиции центральной власти, не говоря уже о самоуправлении как личностной ценности, неразрывно связанной с правами личности и гражданина.

В российском общественно-политическом дискурсе о местном самоуправлении исторически сложились полярные точки зрения. С одной стороны, это — продолжение государственной власти на местах, с другой — проявление самостоятельности местных сообществ, соборно власти народа. Отсюда представление о возможности реализации одного из двух крайних подходов — государственнического или общественного. **Отсутствие нейтральной аксиологической зоны, срединной по отношению к полярным ценностям ведет к радикальной смене приоритетов развития, при которой противоположные полюса стремительно меняются местами.** Решение проблемы местного самоуправления воспринимается, прежде всего, как политический конфликт, но не как социальное взаимодействие. Носители противоположных ценностей — «государственники» и «самоуправленцы» — и сами достаточно радикальны в своей аргументации, они мало учитывают мнение большинства населения страны и руководствуются в первую очередь политической целесообразностью.

Инверсия ценностей самоуправления внутри дуальной оппозиции, между крайними смыслами и представлениями на самом деле поддерживает его статическое состояние, тем не менее создавая иллюзию развития. Кроме того, инверсия ценностей ведет к эрозии «мягкой инфраструктуры» общества — традиций и обычаев, связанных с участием населения в местном самоуправлении. Осознание бесперспективности такого подхода приводит к необходимости искать новые смыслы. Но в российском публичном дискурсе этот поиск сопряжен, скорее, с попыткой искусственно связать противоположности, нежели обнаружить и развить ростки новых смыслов. Так, попытка объединить демократию и авторитарные традиции привела к созданию концепта «суверенной демократии», подразумевающего единство власти и народа. В свою очередь, ценность местного самоуправления фактически растворилась в пресловутом «укреплении вертикали власти».

Противостоящая инверсии медиация означает поиск путей выхода за пределы дуальной оппозиции в новое смысловое пространство, формирование альтернативного смысла — более актуального и эффективного, позволяющего адекватно формулировать цели и задачи развития общества, оптимально использовать существующие ресурсы, социальный и человеческий потенциал местных сообществ. В истории российского самоуправления таких примеров немало. 1990-е гг. были особенно богаты на проявление инициативы на местах. Тысячи городов и поселков по всей стране остались один на один перед лицом нарастающих трудностей: поддержать местное хозяйство и социальную сферу, обеспечить своевременные выплаты пенсий и социальных пособий — все это легло на плечи органов местного самоуправления в условиях кризиса 1990-х гг. Без соответствующей самоорганизации решить эти и многие другие проблемы было невозможно. К этому времени относится возникновение первых муниципальных банков, фондов социальной поддержки, союзов предпринимателей, межмуниципальных объединений и региональных ассоциаций органов местного самоуправления. Там, где эти процессы шли активно, и вопросы жизнедеятельности местных сообществ решались эффективнее. Однако уже с конца 1990-х гг. наметилась тенденция к сворачиванию местного самоуправления, и опыт, накопленный к этому времени, оказался впоследствии не востребованным.

В российской политической культуре самоуправление противостоят центральной власти, а не отсутствию собственно самоуправления, а имевшие место в истории страны успешные практики самоуправления не дали толчок их дальнейшему развитию и распространению. Конечно, культурное разнообразие территорий, многоукладность хозяйства, разные уровни и темпы социально-экономического развития обусловили наличие явных и скрытых угроз единству и целостности государства и как следствие привели к возрастанию значения центра

и центральной власти. Но государство также не дает возможности вырасти самоуправлению в долгосрочной перспективе, с учетом всех возможных ошибок на этом пути. Ведь делает же руководство страны ссылку на общий низкий уровень гражданской культуры, когда речь идет о правонарушениях в органах власти, на высокие риски — когда речь идет о неэффективном расходовании бюджетных средств, предназначенных на развитие современных технологий. Как видится, не только у власти, но и в обществе нет понимания ценности самоуправления.

Идея самоуправления базируется на трех основных ценностях — политической автономии, равенстве интересов и горизонтальном взаимодействии, включая различные формы участия и взаимопомощи. Но, как показывают результаты исследований, весь блок ценностных ориентаций, задающих установку на выстраивание горизонтальных связей, на развитие отношений кооперирования и солидарных действий (готовность к участию в решении общих дел, толерантность, готовность приспособляться) не имеет у россиян приоритетной значимости и названные качества как реально присущие отмечаются весьма редко. Лишь 6% населения страны участвуют в жизни местного сообщества регулярно (хотя бы раз в неделю, месяц), еще 19% делают это редко, эпизодически (раз в 3 месяца, в полгода или еще реже). Остальные же 75% россиян местную общественную жизнь вообще игнорируют¹.

В целом россияне демонстрируют достаточно разнонаправленные ценностные установки, которые не подкрепляют, но заменяют друг друга в зависимости от конкретной ситуации. Парадоксально, что наиболее успешные и располагающие ресурсами для самостоятельного решения своих проблем граждане не имеют достаточной мотивации для включения в процессы коллективного, организованного взаимодействия. Более целесообразным для них является сосредоточение усилий на собственной, прежде всего, профессиональной деятельности, тогда как в отношении общих проблем они занимают позицию «моя хата с краю»². Абстрактные и утилитарные ценности формируются разными способами и часто занимают противоположные места в иерархии. Это объясняет наличие двойных стандартов в общественном сознании: один — в вербальном поведении, другой — прямо противоположный, когда речь идет о практической деятельности. Данное обстоятельство видится одним из объяснений, почему самоуправление, как, впрочем, и другие демократические ценности, не воспринимаются большинством россиян как актуальные. А такие наиболее значимые для россиян ценности, как социальная справедливость и равенство всех перед законом, апеллируют не столько к самому гражданскому обществу, сколько к принуждающей силе государства.

На наш взгляд, самоуправление как самостоятельная ценность возникает и развивается в ходе взаимодействия власти и общества, в ходе которого возникают новые актуальные смыслы. По Н. Луману, коммуникация есть осуществление отбора, поскольку она содержит возможность понимания и не понимания, принятия и отклонения, возникновения альтернативных смыслов. Сложное взаимодействие элементов внутри системы и ее самой с окружающим миром образует и обеспечивает выбор одной из существующих возможностей, что приводит к образованию структур, оправдывающих себя в данных условиях. **Отсутствие коммуникации — это проблема не только самоуправления, но всего российского общества.** При отсутствии коммуникации или ее ущербности, недостаточности возникает специфическая ситуация, когда участники коммуникации перестают понимать друг друга. Государство проводит реформы безотносительно к тому, как это будет воспринято обществом, в свою очередь общество утрачивает доверие к государству. Отсутствие коммуникации ведет к деформации смыслов, к деградации общественных ценностей. **В ходе коммуникации происходит уточнение смысла, а при ее отсутствии — его размывание, утверждение полярных смыслов.**

Таким образом, самоуправление может быть осознано как ценность только в ходе разнообразных взаимодействий, как по вертикали, так и по горизонтали, как между властью и обществом, так и между различными общественными объединениями, группами и отдельными гражданами.

А.С. ЖЕЛЕЗНЯКОВ. Почему россияне не осознают ценности самоуправления?

И.Н. ТРОФИМОВА. Тому есть несколько причин. Во-первых, население по большей части не доверяет никаким формам управления, в том числе и самоуправлению. Во-вторых, граждане не готовы лично принимать участие в самоуправлении, в том числе и по экономическим причинам. Наконец, абстрактные ценности не так актуальны для россиян, большая часть которых озабочена повседневными вопросами выживания.

А.В. ТИХОНОВ. Можно ли искусственно создать субъект самоуправления?

И.Н. ТРОФИМОВА. Конечно, нет, но можно создать условия для этого. Однако, как показывает российская история, условия эти — по большей части экстремальные, кризисные, вынуждающие, а не благоприятствующие развитию самоуправления.

А.П. ДАВЫДОВ. Профессор **Владимир Васильевич Петухов** (ИС РАН) не смог лично участвовать в нашем заседании. Но проявил большой интерес к теме. Он изложил свои мысли в письме мне в те-

зисной форме, которые я обобщил, обильно цитируя автора. Право на публикацию этой версии его мыслей я от автора получил. Тема его размышлений — **«Факторы, активизирующие динамику “поиска середины” как альтернативы»**.

В.В. Петухов считает, что в современной России существует социальный запрос, который располагается в смысловом пространстве «между» «социальной справедливостью, сильным государством, заботящимся о своих гражданах», и «правами человека, демократией, свободой самовыражения личности». «В каком-то смысле этот запрос можно интерпретировать в качестве мечты, причем трудно достижимой, поскольку в нашей стране соединить идеи демократии, свободы, справедливости с идеей государственности, а ее, в свою очередь, трансформировать в эффективную, дееспособную власть, до последнего времени еще никому не удавалось». Потребность общества в указанном синтезе — это, в терминах нашего круглого стола, запрос на «поиск середины». Вектор его поиска указывает, что таким основанием может быть смысл личности, свободной от засилья исторически сложившихся стереотипов культуры в своем менталитете и менталитете общества. Личность, создавшая общество личностей, призвана создать новый тип «эффективной, дееспособной власти».

Как добиться такого синтеза? И говорит о факторах, способствующих этому.

1. Запрос в обществе на «демократию равных возможностей». Потребность в реализации этой идеи нарастает и «в будущем она получит еще большее распространение, поскольку... является общемировым трендом, представляя собой новое видение демократии XXI в., главным предназначением которой становится обеспечение индивидуальных и групповых прав граждан, начиная от снижения уровня социального неравенства, заканчивая расширением возможностей политического участия более широких слоев населения, чем это имеет место сейчас».

2. Растущая политическая активизация молодежи. Автор ссылается на социологические исследования: «Фактом является преодоление значительной ее [молодежи] частью политической инертности и конформизма, особенно если сравнить эти показатели с ситуацией 5-летней летней давности. Так, в возрастных группах 18 — 24 и 24 — 34 на 11% сократилась доля политических “пофигистов” и на 10 — 11% выросло число интересующихся политикой, достигнув соответственно 37 и 46%». «Сегодня в мегаполисах 89% опрошенных в той или иной степени интересуются политикой и лишь 6% — не интересуются. 67% — имеют в своем непосредственном окружении людей, интересующихся ее. Такое невозможно было себе представить еще 5 — 7 лет назад, когда само слово “политика” вызывало у многих москвичей лишь

презрительные усмешки. Сегодня максима В. Ленина – “политика там, где миллионы” – уже не столь актуальна как ранее, она перестает быть основополагающим критерием уровня зрелости и развитости политических и гражданских инициатив. Сегодня даже маленькие группы активистов, благодаря современным средствам коммуникации, могут оказывать заметное влияние на жизнь страны, чему совсем недавно не только мы, но и весь мир были свидетелями. Кроме того, фиксируемое массовыми опросами снижение интереса к “большой политике” сопровождается, особенно в молодежной среде, латентной политизацией значительных сегментов разного рода субкультур, неформальных движений... Этот тренд мотивирован стремлением к большему, чем то, что молодежь уже имеет, – к действительной демократии, основанной на честных и реально альтернативных выборах власти»³.

3. Недовольство молодежи отсутствием в обществе общедоступных социальных лифтов. «Недовольство, а иногда и открытый протест, когда возникает ощущение (а возникает оно у очень многих на рубеже 30 – 35 лет), что карьерную лестницу, по которой мечтали забраться на максимально возможную высоту, давно уже втянули за собой те, кому удалось забраться по ней раньше. Одной из причин, выводящей внешне благополучную молодежь на улицы российских городов – пугающая перспектива многолетнего застоя с резким сужением качества жизни, возможностей личностной самореализации. Миллионы же других молодых людей, особенно учащаяся молодежь, об этом даже мечтать не может, они зарабатывают себе на жизнь, что называется, “по-бразильски”, т.е. перехватывая время от времени случайную, краткосрочную работу без каких-либо социальных гарантий. Более того, наметилась тенденция, что этот тип заработка у многих продолжается и после окончания учебы. Особенно это характерно для Москвы, где значительную долю молодежи составляют приезжие и, соответственно, масштаб и разнообразие “нестандартных” форм занятости столь велик, что начинает восприниматься как норма трудовых отношений».

4. Взрывной интерес населения к разнообразным неформальным формам низовой самоорганизации: волонтерства, движений «одного требования», что свидетельствует о начале не формального, а реального структурирования гражданского общества. В нашей стране происходит то, о чем А. Турен и Р. Инглхарт писали в конце 1990-х гг. применительно к европейским реалиям, что отказ общества служить дисциплинированным «войском» политиков, выражаемый в стремлении людей доводить общественные требования напрямую, благодаря отделенным от государства и партий общественным движениям, что открывает путь в политику и новым субъектам и целой плеяде молодых гражданских активистов, многие из которых уже в ближайшее

время станут и уже становятся известными стране политиками. Понятно, что подобного рода настроения локализованы пока в основном столицами и характерны для меньшинства населения (25 – 30%). Но в современном информационном обществе это уже не имеет принципиального значения⁴.

5. Рост значимости Интернета. «Причины сохраняющейся апатии российской глубинки многообразны, и одна из них состоит в том, что в пореформенной России так и не сформировалась институциональная среда гражданского общества. А то, что сформировалось, например, многочисленные НКО, являющиеся в большинстве своем “агентами” влияния местного чиновничества и аффилированных с ними бизнес-структур, которые шагу не ступят без грантовой подпитки, к подлинному гражданскому обществу имеют весьма отдаленное отношение. Постоянно снижающиеся показатели уровня доверия к этим институциям свидетельствуют об этом весьма отчетливо. Так же как и стремление многих наших сограждан общаться с властью, доводить до нее свои требования без посредников. На этом фоне отнюдь не случайным выглядит бурный процесс формирования внеинституциональных форм самоорганизации, которые создаются и действуют в логике, альтернативной традиционным политическим институтам. Некоторые эксперты даже считают, что коммуникативный аспект демократии, связанный с бурным развитием Интернета и социальных сетей в XXI в. будет более важен, чем институциональный».

6. Страх за настоящее и будущее детей. «В современной России есть только одна проблема, способная “зацепить”, консолидировать богатых и бедных, столицы и провинцию, молодых и старых, и тем самым политизировать общество – это страх за настоящее и будущее детей. Россия чрезвычайно “чадолюбивая” страна, уступающая в этом, пожалуй, только Японии и Израилю. И начавшаяся широким фронтом “оптимизация” всего, что имеет какое-либо отношение к интеллектуальной деятельности и образованию – Академия наук, высшая школа, прежде всего ее гуманитарный компонент, среднее и дошкольное образование, уже сейчас беспокоит многих. Причем не только занятых в этих сферах, но и многочисленных обычных “пользователей” образовательных услуг, мечтающих “вывести своих чад в люди”».

7. Критика оппозиции. «Российская оппозиция, за редким исключением, игнорирует социальные требования трудящихся и при этом недоумевает, почему российская глубинка до сих пор еще не присоединилась к столичным акциям протеста».

8. Перспективы.

1) «Так или иначе, реальность такова, что в обществе не сформировался механизм перевода многообразных индивидуальных, групповых, прежде всего, экономических интересов на

язык общезначимых проблем. Поэтому и не возникает “связки” между социально-экономическим и политическим участием россиян. Даже в тех случаях, когда затрагиваются их коренные социально-экономические права. Судя по имеющимся данным Ростата, других служб, количество забастовок сократилось с 6 тыс. в 2004 г. до почти 200 – в 2012 г. Из них: “стоп-акций”, т.е. забастовок, приводящих к частичной или полной остановке предприятий еще меньше – 80 – 100»⁵.

«Как показывают исследования, сегодня россияне в массе своей даже менее “боевиты” в отстаивании своих прав в случае гипотетического ухудшения ситуации в стране, чем пять-семь лет назад. О своей готовности участвовать в мирных, разрешенных властями митингах, пикетах и демонстрациях заявляют чуть менее трети опрошенных (семь лет назад – 46%). В два раза меньше – в акциях гражданского неповиновения (отказ платить налоги, квартплату и т.д.) и несанкционированных властями митингах и демонстрациях. И это лишь на первый взгляд выглядит парадоксальным. Одно дело декларировать свою готовность протестовать, когда в стране или конкретном регионе все спокойно и тебе ничего лично не угрожает и совсем другое, когда ситуация реально обостряется, когда за выход на улицу можно “схлопотать” 15 суток, а то и “двушечку”».

2) «В целом же, если говорить об обозримой перспективе, наиболее вероятным представляется спад протестной активности при одновременном росте гражданских, волонтерских форм участия. Реже – спонтанные выплески социальной агрессии, особенно в глубинке, где крайне сложно “достучаться” до властей. Соответственно *ключевым аспектом современной демократической “повестки дня” становится проблема структурирования гражданского общества таким образом, чтобы оно могло влиять на государство, на равных взаимодействовать с ним.* В ее решении намечилось два принципиально разных подхода. Первый, продвигаемый в основном некоторыми экспертами из академической среды, – предполагающий концепт своеобразной конвергенции государства и гражданского общества, в том числе путем инкорпорирования гражданских институтов во властные структуры, особенно на местном уровне⁶. Второй – прямо противоположный – их “развод”, выстраивание альтернативных государству институтов и структур, формирование своеобразного “гражданского общества – 2”».

Вывод: оба подхода, особенно второй, – в терминах нашего круглого стола есть активизация «поиска середины», той социокультурной сферы, которая сегодня испытывает состояние тупика и застоя, потому что эта сфера в идеале формируется на принципиально новом культурном основании – смысле личности, свободной от диктата исторически сложившихся культурных стереотипов в своем менталитете.

9. Поиск середины как проблема науки. Из текста В.В. Петухова следует, что синтез противоположностей – «социальной справедливости, сильного государства, заботящегося о своих гражданах» с «правами человека, демократией, свободой самовыражения личности» должен, по-видимому, осуществляться на основе диалога этих потенциально относительно равноправных сторон. Но равноправие в диалоге – это не только общий вопрос меры насилия/свободы, но и частный вопрос меры организации/самоорганизации (управления/самоуправления) как синтетического предмета возможного в будущем диалога государства и личности. Коротко говоря, вопрос меры – это всегда вопрос новой меры, потому что старая известна, это вопрос типа новой свободы, а еще точнее – типа новой культуры. На «поиск середины» как ответа на вопрос о нахождении новой меры и нацеливает текст Петухова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Готово ли российское общество к модернизации. Аналитический доклад. – М.: ИС РАН, 2010. С. 163 – 164, 99.

² Там же. С. 101 – 102.

³ *Фурман Д.Е.* Политическая система постсоветской России и ее жизненный цикл // Россия 2010. Российские трансформации в контексте мирового развития. – М.: Логос. 2010. С. 194.

⁴ См.: *Турен А.* Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998; *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. № 3.

⁵ Мониторинг ЦСТП: трудовые протесты в России // Сайт «Все о трудовых правах». Ноябрь 2012. Сайт «КМ.РУ» 16.11.2012.

⁶ См.: *Никовская Л., Якимец В., Молокова М.* Гражданские инициативы и модернизация России. – М.: Ключ-С, 2011. С. 51.

REFERENCES

Furman D.E. Politicheskaya sistema postsovetskoy Rossii i ee zhinenniy tsikl // Rossiya 2010. Rossiyskie transformatsii v kontekste mirovogo razvitiya. – Moscow: Logos, 2010.

Gotovo li rossiyskoe obschestvo k modernizatsii. Analiticheskiy doklad. – Moscow: IS RAN, 2010.

Inglehart R. Postmodern: menyayuschiesya tsennosti i izmenyayuschiesya obschestva // Politicheskie issledovaniya. 1997. № 3.

Monitoring TsSTP: trudovye protesty v Rossii // Site «Vse o trudovykh pravakh». November 2012. Site «K.M.RU» 16.11.2012.

Nikovskaya L., Yakimets V., Molokova M. Grazhdanskiye initsiativy i modernizatsiya Rossii. – Moscow: Klyuch-S, 2011.

Touraine A. Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego. Oчерk sotsiologii. – Moscow: Nauchniy mir, 1998.

*Материал Круглого стола подготовлен А.П. Давыдовым.
Окончание следует*